

Только теперь, кажется, Рафаэль осознал ситуацию. Его глаза широко раскрылись, и он осторожно заговорил:

— Ах... Я не знал, что тебе нравится герцог. Зря я, наверное, заговорил... Ну, знаешь, бывает, что о таких вещах не знают.

Руан посмотрел на него, как на нечто странное.

«С чего это он вдруг стал таким осторожным?»

Это было неожиданно, но, похоже, он пытался утешить его. Руан сглотнул и вздохнул:

— Всё в порядке. Какой мне смысл получать утешение от Вашей Светлости? Лучше займитесь делом и поговорите с нужным человеком, пока не стало слишком поздно. Иначе всё запутается до такой степени, что уже нельзя будет ничего исправить. Как у меня.

Рафаэль какое-то время смотрел на него с непонятным, сложным выражением лица, потом кивнул:

— Эм... Ну да. Верно. Спасибо.

Помедлив ещё немного, словно о чём-то раздумывая, Рафаэль, который сидел, вплотную прижавшись к спинке кресла, наклонился вперёд и спросил:

— Кстати...

— Что? — ответил Руан, настороженно ожидая, что ещё за вопрос он задаст.

Рафаэль внимательно на него посмотрел и произнёс:

— Ты меня сейчас отчитываешь?

Что?..

Руан недоумённо уставился на него.

— Разве это важно?

— Не знаю. На меня много ругались, но, кажется, впервые отчитывают... — сказал Рафаэль с неловким видом.

Глядя на его смущённое лицо, Руан не выдержал и снова тяжело вздохнул.

В самом деле, несмотря на свою жестокость, безумие и склонность к бесчеловечным поступкам...

«Он всегда был персонажем, которому не хватило нормальной социализации».

Конечно, это не оправдывало его преступлений. В книге Рафаэль описывался как персонаж, который не гнушается никакими средствами и методами ради обретения силы.

То, что Рафаэль сейчас был герцогом, означало, что по меньшей мере половина этих злодеяний уже была совершена.

Но... Вспоминая, насколько трагически искалеченной была его судьба, чтобы он мог считать Луизу единственным и неповторимым человеком, Руан почувствовал сложную гамму чувств.

Из-за того, каким сильным было впечатление от образа Рафаэля в поздних частях, он забыл, но, если разобраться, сейчас тому ещё не было и двадцати.

Теперь, если приглядеться, длинный шрам на его лице делал его даже моложе.

— Ха-а... — Руан глубоко вздохнул и провёл ладонью по лицу.

«Я вообще... Что творю?..»

Он почувствовал, как накатил усталость.

«Хочу домой».

Но если говорить о доме, то в столице это был особняк герцога. А там, скорее всего, уже находился сам герцог со своей невестой. Идти туда не очень хотелось. Хотя, конечно, не пойти он не мог...

Надо сначала выбраться отсюда и уже потом разбираться. Ненадолго уткнувшись лицом в ладони и переведя дыхание, Руан убрал руки и поднял голову.

Потом, припомнив недавний вопрос Рафаэля, заговорил:

— Вы спрашивали, поддержал ли герцог Его Величество? Герцог останется в Рейнке. Его совершенно не интересует то, что происходит за пределами его владений. Так что не стоит его втягивать, разбирайтесь сами.

Рафаэль с каким-то странным, немного ошеломлённым выражением уставился на Руана. Поняв, что у того больше нет вопросов, Руан слегка поклонился и сказал:

— Если Вашей Светлости больше ничего не нужно, я пойду.

Он чувствовал себя истощённым и знал, что Рафаэль не особенно заботится о приличиях, поэтому просто развернулся и направился к выходу.

Но в этот момент Рафаэль окликнул его вслед:

— Эй! Я свяжусь с Луизой! А ты держись там!

От этих слов на душе стало ещё сложнее.

Как только он вышел за дверь, кто-то из слуг вложил ему в руки что-то. Это была еда, которую он приготовил для герцога, но думал, что потерял.

Тёплая еда, от которой прежде исходил лёгкий аппетитный аромат, теперь полностью остыла.

Глядя на эту еду, Руан вспомнил время, когда он нёс её в особняк.

«Ещё недавно я был полон надежд и любви... Как же всё так обернулось?»

Ситуация не изменилась: он всё так же шёл в тот же особняк, неся ту же еду. Но настроение у него было совершенно иное.

Если бы он чуть раньше стал честен со своими чувствами. Если бы он чуть раньше поговорил с герцогом...

Всё могло бы сложиться иначе.

Даже зная, что герцог скоро женится, он не мог избавиться от этих чувств. Смесь горечи и бессилия скрутила ему грудь. Он грустно усмехнулся и шагнул за порог.

И тут же услышал:

— Руан! Это Руан выходит!

Прямо перед ним стояли те, кто должен был ждать его в особняке.

* * *

С того самого момента, как герцог узнал, что его советника похитили, он не находил себе места. Не мог совладать со своим беспокойством.

Советник исчез.

То, что с момента знакомства с советником, признания его частью своей стаи, избрания его своей парой, стало самой большой угрозой для герцога, стало реальностью.

Причём не просто исчезновение... это было похищение. Похищение означало, что кто-то намеренно увёл его с собой. Разве это не означало, что его могут никогда не вернуть?

«Что, если я больше никогда его не увижу?»

Герцогу казалось, что он задыхается. Он раскрыл рот, пытаясь глубже вдохнуть, и тут же приказал начинать поиски.

Рыцари принесли сведения, и, руководствуясь ими, герцог отправился на поиски сам. Но это была не его территория, которую он знал вдоль и поперёк. Это место было чужим и слишком сложным, чрезвычайно запутанным. Поиски не шли так быстро и гладко, как хотелось бы готовому сойти с ума от нетерпения герцогу.

Герцог пересекал улицы, кишашие людьми даже в столь поздний час, и впервые за долгое время почувствовал чудовищную, гнетущую беспомощность, которую не испытывал с тех пор, как достиг зрелости и обрёл силу.

После того случая, когда он потерял свой дом, он изо всех сил стремился к силе, чтобы никогда больше не оказаться в такой уязвимой позиции, не испытывать того ужасного бессилия.

И когда он достиг зрелости, он стал сильным, стал тем, кто контролировал свою территорию. На своей земле он мог решать любые проблемы и держать всё под контролем. Это делало его уверенным, спокойным, и он был вполне доволен таким положением вещей.

Контролировать и устранять все угрозы — это значит обрести покой. Герцог всегда верил в это.

Но теперь, из-за своего же советника, он снова почувствовал бессилие. Желание удержать кого-то рядом обернулось осознанием: каким бы великим он ни был, даже он не мог полностью контролировать этот вопрос.

Перед лицом этой неразрешимой проблемы он вновь стал таким же уязвимым, как в детстве.

Он так тщательно охранял свою слабость, но в конце концов она всё равно воплотилась в реальность и в этот момент давила на него всей тяжестью.

С невыносимым чувством отчаяния герцог бросился по следу советника.

И когда он, наконец, добрался до здания, в котором тот, как он предполагал, находился...

И когда увидел, как советник выходит оттуда...

Герцогу пришлось осознать.

«Похоже, я и вправду не смогу жить без него».

Если он его потеряет, его территория, его мир больше не смогут существовать.

Это было ошеломляющее, головокружительное осознание: ему придётся носить этот страх, мучивший его, пока он бежал сюда, всю жизнь.

Что же теперь делать?

Все прежние угрозы он мог устранить, становясь сильнее. Так он и поступал. Но эта проблема не была той, что он мог контролировать, как бы ни был силён.

Значит, теперь ему всю жизнь придётся существовать в этом отвратительном, невыносимом беспокойстве? Зная, что такая проблема может возникнуть в любой день, продолжать жить, дрожа от страха, имея уязвимость, которую он не может контролировать? Разве это не слишком ужасно?

Герцог впервые за долгое время испытал настоящий страх.

Советник заметил его именно в этот момент. Как всегда, он осознал присутствие герцога на миг позже, чем герцог его. И потому герцог мог наблюдать этот миг во всей его полноте.

Как в глазах, глубоких, как озеро, безмятежное в безлюдную пору, появляется тепло и свет.

Слух и зрение, рассеянные до этого момента, напрягаются, как у охотящейся кошки, и всё его внимание устремляется к герцогу.

И, наконец, даже его кончики пальцев ног поворачиваются к герцогу.

Увидев этот знакомый вид.

Озарение пришло подобно ветру, несущему запах солнечного света, что касается усов дремлющей кошки.

«Ах... Вот оно что».

Этот парень показал ему не только уязвимость, впервые испытанную за долгое время.

Он научил его другому.

А именно... что глубокая привязанность способна даровать покой, стабильность, даже перед лицом внешних угроз.

«Я не могу контролировать возможность потерять его».

И так будет всегда. Было ясно, что серьёзные опасности будут продолжаться.

Но...

Что бы ни случилось, герцог всегда будет готов бороться, чтобы найти его... И если советник всегда будет готов вернуться к нему, что бы ни произошло... Если у них будет взаимная вера в это...

Разве это не даст им спокойствия? Разве они не смогут обрести чувство стабильности и уверенность, что в конечном итоге они смогут встретиться вновь?

Так же, как сейчас, когда герцог считал его потерянным, а он стоит перед ним, смотрит на него.

От приближающегося советника сильно пахло псом и незнакомым человеком. В обычной ситуации это сначала вызвало бы у него раздражение, но сейчас даже это не имело значения.

Герцог смотрел на него.

Советник, казалось, был немного удивлён, увидев герцога, и, видимо, выглядел несколько подавленным и усталым, он колебался, но в конце концов подошёл к нему. Герцог ясно видел всё это, не упустив ни единой детали.

— Ваша Светлость. Что привело вас сюда? Насколько мне известно, сегодня вы должны были...

Герцог проделал огромную подготовку ради «идеального ухода». Он подготовил столько всего, что временами дивился: «Люди действительно так всё усложняют?»

Но в данный момент всего этого у него с собой не было. Всё осталось в особняке.

Только одно кольцо лежало у него за пазухой.

Поэтому можно было сказать, что сейчас был не тот идеальный момент для идеального ухода.

Но...

«Говорили, что момент, когда ты понимаешь, что должен передать эти слова, и есть момент, когда нужно признаться».

Судя по инстинктам умелого охотника, сейчас именно тот момент.

Герцог должен был сказать это сейчас. Должен был передать свои чувства и попросить о взаимности. Он должен был посвататься к советнику от всего сердца.

Герцог протянул руку к тому, кого не видел весь день и кого боялся потерять навсегда, и обхватил его за шею. Худая и бледная шея полностью уместилась в одной руке.

Глаза советника широко распахнулись от неожиданности.

Герцог, довольный, что эти глаза ясно осознают его, прищурился и вспомнил слова рыцарей.

«Скажите, кем он для вас является, так ясно, как есть, чтобы не было сомнений».

Герцог заговорил:

— Ты — важная часть, составляющая мою территорию. Если ты исчезнешь, моя территория станет абсолютно неполноценной.

Было ли это слишком внезапно? Советник широко раскрыл глаза.

— Ты — человек, которому я доверяю больше всех. Только рядом с тобой я могу быть уязвим и не чувствовать страха. Одно лишь твоё присутствие рядом дарует мне умиротворение. Я думал, что только устранение угроз может дать мне покой, но рядом с тобой моё сердце успокаивается просто так.

Он знал, что советник сам прочувствовал это за всё время их пути из Рейнке в столицу.

— Потерять тебя, видеть тебя раненым, знать, что ты страдаешь — это угроза, которую я не могу вынести. Я хочу, чтобы ты был в безопасности и оставался рядом со мной.

Герцог вдохнул.

— Я... испытываю к тебе влечение. Я хочу ухаживать за тобой. И я хочу, чтобы ты ухаживал за мной.

Он сказал, кем тот является для него. Теперь осталось сказать, чего он хочет.

Герцог произнёс свою заветную просьбу:

— Будь рядом со мной. Как часть моей стаи. Как мой спутник, моя пара. До самого конца моей жизни.

А затем добавил желание, что появилось только что:

— И обещай мне. Что бы ни случилось, ты всегда ко мне вернёшься.

И последнее.

— Люди в таких случаях говорят так, — сказал он, доставая кольцо и протягивая его советнику.

— Выходи за меня.

<http://bllate.org/book/12567/1117859>